

В поисках затонувших кораблей

*Бессонница, Гомер, тугие паруса,
Я список кораблей прочел до середины...*

Осип Мандельштам

М.Ю.Сорокина

Историки по-прежнему жалуются на недоступность архивов ОГПУ—НКВД — далее многочисленные известные аббревиатуры... Однако многое из того, что так бдительно до сих пор охраняют архивы спецслужб, вполне может быть воссоздано по материалам архивов семейных. Альбомы фотографий, дающие представление о подъеме в 20-е годы целой эскадры затонувших кораблей, в том числе знаменитой британской подводной лодки L-55 (снимки из альбомов публикуются впервые), многие десятки лет бережно хранились в домашнем архиве семьи основателя и первого руководителя Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) ОГПУ Льва Николаевича Захарова-Мейера (1899—1937)*.

Об этой интереснейшей организации, существующей до сих пор, а в течение первого советского десятилетия активно занимавшейся поиском и подъемом затонувших иностранных и отечественных ко-

* Все эти и другие материалы ЭПРОН находятся ныне в Архиве РАН (Ф.1813). Приношу самую искреннюю благодарность наследникам Л.Н.Захарова-Мейера, передавшим все сохраненные ими документы в этот архив.

© М.Ю.Сорокина

Марина Юрьевна Сорокина, старший научный сотрудник Архива Российской академии наук. Занимается социальной историей российской науки, мемуарным и эпистолярным наследием ученых, в том числе В.И.Вернадского, С.Ф.Ольденбурга, Н.И.Конрада, А.С.Лаппо-Данилевского и др.

раблей и подводных лодок, написано мало; об истории ее создания и деятельности в первые десять лет существования, когда ЭПРОН находилась непосредственно в ведении ОГПУ, — еще меньше, за исключением многочисленных победных газетных реляций в 20-е годы; практически ничего мы не знаем о судьбах его основателей. Между тем именно там, в недрах ОГПУ, в самом начале 20-х зарождалась, а потом полномасштабно функционировала своя, «закрытая» наука, там начинался

советский военно-промышленный комплекс.

Чудом уцелевший после ареста и гибели Льва Захарова-Мейера в 1937 г. его небольшой эпроновский архив сегодня — источник уникальных, из первых рук, сведений о работах экспедиции в 1923—1931 гг. Хорошо зная законы своего ведомства и предчувствуя будущее беспамятство, Захаров-Мейер еще в 1931 г. составил обширную деловую «Хронологию» ЭПРОН — этакий свой Каталог кораблей, а в середине 30-х писал науч-

но-популярную книгу «Темно-голубой мир», редактором которой согласился быть Максим Горький. Рукопись повести, завершённой осенью 1936 г. и в декабре переданной в издательство, погибла в огне октябрьской московской паники 1941 г. У сестры Л.Захарова-Мейера, известного историка-американиста М.Н.Захаровой (1906—1984), сохранились лишь несколько глав, в том числе «Его Величества субмарина L-55» — о нахождении и подъеме в 1927—1928 гг. со дна Балтики знаменитой английской подводной лодки [1], потопленной русскими моряками летом 1919 г. В сокращении эта глава публиковалась в журнале «Советский моряк» (1959. №4, 5), и изъятыми оказались показавшиеся натуралистическими, но очень выразительные детали передачи Великобритании останков ее моряков.

Архив Захарова-Мейера сохранил и немало подлинных документов самой ЭПРОН — приказы, сметы, переписку, фотографии, на основе которых в 1989 г. О.Т.Леонтьева — известный музыковед, племянница Л.Захарова-Мейера и семейный летописец — написала воспоминания-хронику «Над старыми фотографиями» [2], несколько глав которой посвящены ЭПРОН и ее основателю. Опираясь на эту работу, я и представляю некоторые «начальные» сведения о Льве Захарове-Мейере и его детище — Экспедиции подводных работ особого назначения.

Лев Николаевич, тогда еще просто Захаров, родился в 1899 г. в крепости Новогеоргиевск Варшавской губернии. Учился на казенный счет в кадетском корпусе в Москве благодаря деду Ивану Захарову — участнику Севастопольской обороны 1854—1855 гг. (дети и внуки севастопольцев имели право на казенное воспитание). Другой дед — Афанасий Иванович Протасов был «ин-

женерным надзирателем» крепости Новогеоргиевск, а в русско-турецкую войну 1877—1878 гг. строил укрепления при Плевне под руководством Тотлебена. Отец — Николай Иванович Захаров (1866—1935) — был чиновником и уже в период первой мировой войны имел чин надвornого советника, соответствовавший воинскому званию подполковника и дававший личное дворянство. Быстро и безболезненно перешел он из царской армии в Красную, став к февралю 1921 г. начальником общего отделения административного управления Полевого штаба Реввоенсовета, но на этом продвижение замерло, и свою жизнь он окончил счетоводом в Госвоенкино.

Кроме Льва, в семье Захаровых было еще трое детей. Судьба каждого из них могла бы стать сюжетом самостоятельного рассказа, собранные же вместе они рожают ощущение шекспировской драмы. Владимир (1895—?) — казачий подъесаул, Георгиевский кавалер, во время гражданской войны воевал на стороне белых, из Новороссийска бежал за границу — через Турцию и Югославию в Париж, однако в семье объявился уже в 1924 г., когда ВЦИК удовлетворил его ходатайство о возвращении в Россию. Работал фотографом в Третьяковской галерее. Пропал в конце 30-х. Александра (1897—1985) училась во ВХУТЕМАСе, стала женой сначала заместителя наркома путей сообщения, затем управляющего Главшвей; работала редактором журнала «Вестник путей сообщения», потом служила у М.И.Ульяновой в «Правде», окончила медицинский факультет МГУ в 1930 г., но в итоге оказалась заведующей канцелярией НКВД, а вовсе не врачом. Некоторое время работала «оперативным секретарем» у заместителя начальника иностран-

ного отдела ОГПУ А.Х.Артузова, в 1937-м арестована, осуждена на восемь лет лагерей как член семьи изменника Родины, вернулась и жила в Москве до недавнего времени. Вторая сестра — Мария — стала доктором исторических наук, работала в Институте всеобщей истории АН СССР.

С 1916 г. Лев Захаров учился в Михайловском артиллерийском училище, ускоренный курс которого окончил в феврале 1917 г., и стал кадровым офицером, как почти все в этой семье. «В кадетские годы, — писал он в автобиографии, — я познакомился с вопросами марксизма — благодаря обстановке дома (кружки студентов и курсисток, наличие соответствующих книг). Особенно налегал на техническое самообразование (химия), так как предполагал в то время посвятить жизнь химии, работал в лабораториях» [2, Л.131—132].

В февральские дни 1917 г. он избран в Совет солдатских депутатов, в декабре демобилизован, в мае 1918 г. вступил в Красную Армию и стал командиром взвода, охранявшего Полевой штаб Реввоенсовета; с августа 1918 г. член РКП(б). В апреле 1919 г. по партийной мобилизации Лев Захаров направлен в ВЧК, и с этого момента вся его жизнь будет связана с этой организацией: в мае 1919 г. он назначен помощником начальника информотдела Особого отдела (ОО) ВЧК. По воспоминаниям сестры, псевдоним Мейер появился у него как раз в то время, когда он работал вместе с А.Х.Артузовым. В апреле 1920 г. Л.Мейер становится помощником начальника ОО М.С.Кедрова* и в течение нескольких лет служит в ОО ОГПУ и Московского военного округа. Вот этому человеку, Льву Мейеру, 13 марта

* Отец известного советского академика-философа Б.М.Кедрова.

Балаклавская бухта. Предполагаемое место гибели «Черного принца».

1923 г. начальник ОО ОГПУ Г.Г.Ягода приказал непосредственно возглавить Экспедицию подводных работ особого назначения.

ЭПРОН родилась из легенды о золотом кладе. В этой истории была своя Троя и свой Шлиман — инженер Владимир Сергеевич Языков, с 1908 г. безрезультатно хлопотавший о разрешении организовать работы по подъему английского парохода «Черный принц»*, затонувшего во время Крымской войны под Балаклавой в числе других восьми кораблей соединенной эскадры, разбитой ураганом о балаклавские скалы. С 70-х годов прошлого века «Принца» попеременно искали немцы, французы, норвежцы, ведь предполагалось, что он вез 500 000 золотых соверенов!

* Этот знаменитый корабль назывался просто «Prince» («Принц»), а определение «черный», с которым он вошел в историю, получил позднее стараниями журналистов.

В начале 1923 г. Языков приехал в Москву и со своей сумасшедшей «золотой идеей» обратился к заместителю председателя РВС Э.М.Склянскому и командующему Военно-морскими силами В.И.Зюфу; в очередной раз не встретив понимания, он отправился в ОГПУ, где его предложение показалось любопытным: предполагалось, что «Черный принц» вез 400 000 фунтов стерлингов золотом! Уже в конце февраля 1923 г. Языков попал на прием к Ягоде и сумел заинтересовать его. Дальше события разворачивались с космической даже для «революционной» эпохи скоростью.

В следующие дни инициативная группа (В.С.Языков, Д.А.Карпович и инженер-механик Евгений Григорьевич Даниленко, по проекту которого должен был строиться глубоководный снаряд) зачисляется на довольствие и поступает

в распоряжение ОГПУ. 13 марта Ягода отдал приказ о создании ЭПРОН, утверждении ее первого штата и начальника — В.С.Языкова. Таким образом, с самого начала у ЭПРОН был комиссар — «руководитель» от ОГПУ Мейер и «начальник» Языков. Их задачей стала организация, как сказано в самом приказе, «наилучших условий работы для “экспедиции за золотом”» [2, Л.500]: до лета 1923 г. Захаров-Мейер и Языков должны были обеспечить постройку «в наикратчайший срок» снаряда для спуска на большую глубину.

Об инженере Языкове, энтузиасте-кладоискателе, почти ничего неизвестно. Он несомненно был человеком образованным и хорошо знакомым с морским делом. Мейер Языкову безусловно доверял. В дальнейшем Языков принимал деятельное участие в работе ЭПРОН уже безо всякой надежды найти золото «Черного принца» и покинул ЭПРОН в связи с ее реорганизацией и уходом Мейера с поста руководителя. Впоследствии стал сотрудником треста «Металлолом» в Москве, умер (или погиб) в 1937 г.

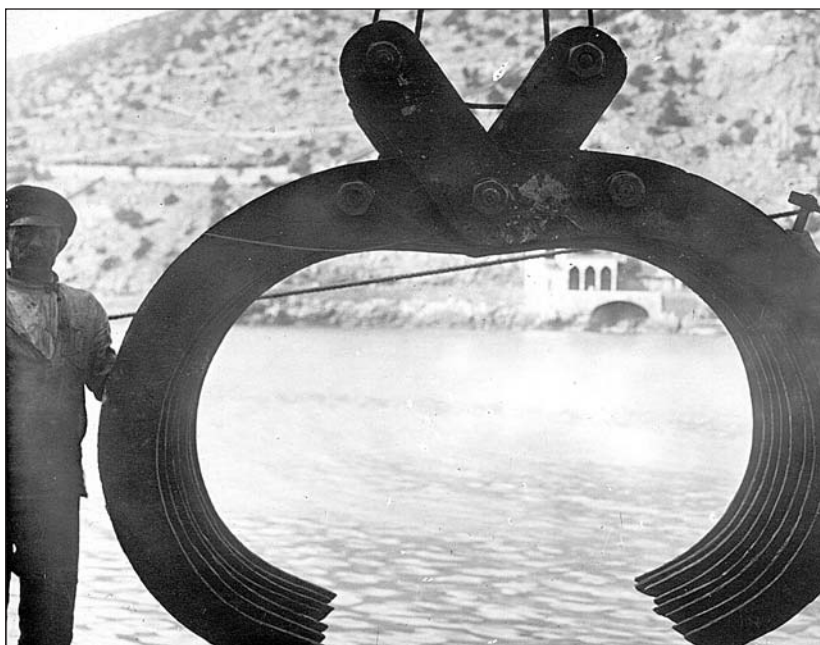
Хроника принятия и исполнения решений по ЭПРОН в это время впечатляет своей оперативностью. К 4 апреля 1923 г. Даниленко заканчивает работу над проектом глубоководного снаряда и направляет его эскиз для консультации в Научно-технический отдел (НТО) ВСНХ, 14-го НТО дает заключение о практической осуществимости спусков и работы в снаряде Даниленко на глубинах до 60—80 саженей. 20 мая рабочие чертежи сдаются на московский завод «Парострой», где при содействии выдающегося инженера В.Г.Шухова стальной корпус снаряда (весом свыше 10 т) изготавливается за три месяца — ход работ контролируют сами И.С.Уншлихт и Г.Г.Ягода. К началу июля намечается отпра-

Вверху: перед спуском на снаряде Даниленко в поисках «золотого клада». 1923 г. Посередине: драга. Внизу: обломки английских кораблей, обнаруженные на дне. Но «Черный принц» так и не найден.

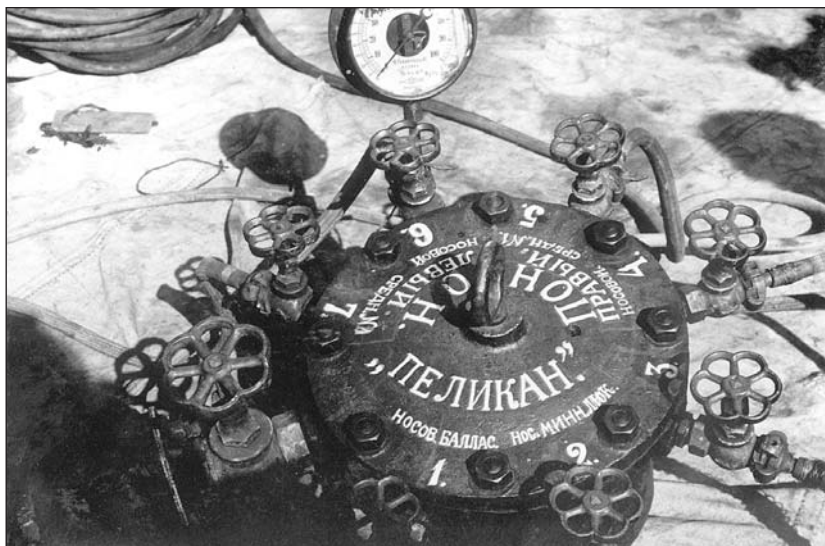

вить корпус снаряда в Севастополь для окончательной сборки. 14 июля платформа с корпусом уходит в Крым, а 18-го Мейер сам выезжает в Севастополь, и все лето там и в Балаклаве ведутся подготовительные работы.

Два чекиста, несколько опытных водолазов, врач, корабельный инженер и бухгалтер — вот какими силами начиналась работа по подъему затонувших судов. Феохтист Андреевич Шпакович — начальник плавучей базы*, Константин Алексеевич Павловский — доктор, Антон Никитич Григорьев — главный штурман и помощник начальника базы, Кузьма Иванович Масалыгин — механик глубоководного снаряда, Анатолий Захарьевич Каплановский — начальник технической части. И команда — И.Д.Прокопенко, Ф.Ф.Ивасенко и др. В помощь эпроновцам приданы значительные технические средства, и в течение второй половины лета 1923 г. они занимаются поисками точного местонахождения «Черного принца» в Балаклавской бухте: работали военные тральщики, дно обследовалось металлоискателями, гидроплан и аэростат проводили фотосъемку грун-

*Водолаз, начальник водолазной школы в Балаклаве Феохтист Андреевич Шпакович — почетный гражданин Балаклавы. Умер в 1964 г.

Оборудование подводной лодки «Пеликан», поднятое на поверхность 12 августа 1924 г.

та. Наконец, 2 сентября снаряд Даниленко («ЕГД»), в котором находились сам конструктор и Карпович, впервые опускается на глубину 26 саженей. Через неделю, 9 сентября, проводятся новые спуски — на 95 и 123 м. Это мировые рекорды погружения — французский «подводный танк Рено» появится только в 1924 г.! С 11 сентября начинаются регулярные морские работы, обследуется все дно Балаклавской бухты. Несколько раз Мейер спускается сам, в начале октября он в третий раз выезжает в Севастополь для розыска свидетелей прежних поисков «Принца» под Балаклавой в 1900—1912 гг.; делаются запросы в Британское Адмиралтейство, в Рим — для получения справки от итальянского инженера Д.Рестучио, искавшего «Черного принца» в 1905 г.

О масштабе и размахе подводного чекистского «кладоискательства», о серьезности надежд руководства ОГПУ на «Черного принца» и другие подводные операции свидетельствует и то, что парал-

лельно с севастопольской эпопеей, по указанию Ягоды 4 августа 1923 г. полпреду СССР в Лондоне Л.Б.Красину послано письмо с просьбой собрать подробные сведения о затонувшем еще до первой мировой войны «Титанике» и переслать их в Москву, а перед Особым отделом Черноморского флота поставлена задача собрать материал обо всех подводных лодках старого российского флота, затопленных в 1919 г. вблизи Севастополя англичанами.

После первых удачных спусков штат ЭПРОН уже в октябре 1923 г. увеличили до 58 человек, а экспедицию назвали «учреждением опытно-научных работ». Однако розыски «Черного принца» успехов не принесли*, да и осенняя погода не благоприятствовала подводным работам, к тому же каждый месяц обходился в 3—

* История поиска «Черного принца» легла в основу одноименной повести М.М.Зощенко, изданной в 1941 г., но датированной 1936-м. Существует версия, что Зощенко писал свою повесть или по материалам Л.Захарова-Мейера или даже на основе его книги «Темно-голубой мир».

4 тыс. рублей золотом. Все же конкретные результаты были: в августе 1924 г. удалось поднять подводную лодку «Пеликан», затопленную при входе в одесскую гавань, члены ЭПРОН обнаружили кладбище погибших английских кораблей, подняли много корабельных обломков, якорей — и в будущем на базе ЭПРОН предполагалось расширение экспериментов с подводными взрывами, а также глубоководные обследования с целью обнаружения археологических памятников, создание постоянной плавучей базы и второго снаряда и др. Соответственно новым планам ЭПРОН получает и новое руководство: вместо романтика-одиночки Языкова начальником экспедиции назначается инженер В.П.Пономарев, а обязанности военного комиссара возлагаются на начальника Особого отдела Черноморского флота Горина. Эту административную пирамиду завершал сам Мейер, одновременно являвшийся начальником Особого отдела Московского военного округа.

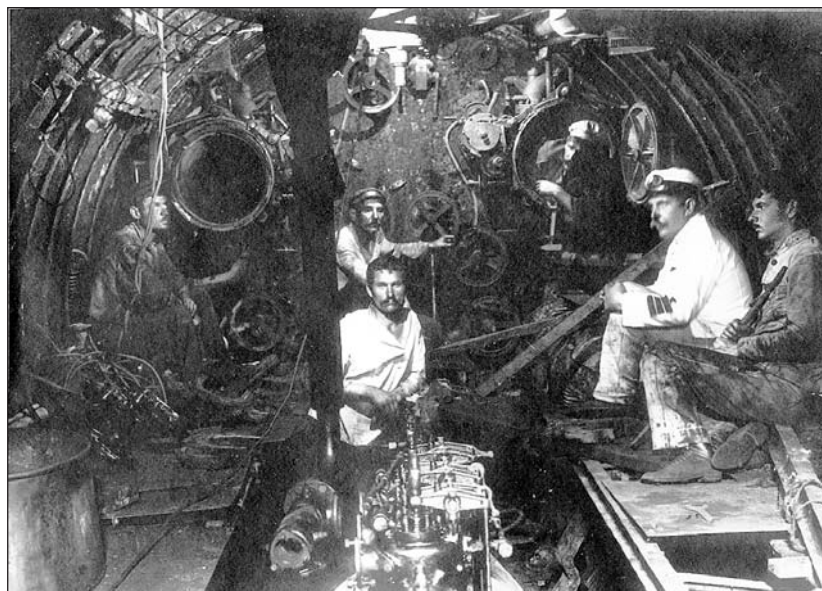
Сфера деятельности ЭПРОН постоянно расширяется и географически охватывает Черное, Азовское, Каспийское, Балтийское и Белое моря; штат увеличивается: в 1925 г. — 180 человек, в этом же году ЭПРОН стал единой государственной организацией подводных работ в Черноморско-Азовском бассейне. Наконец, приходит и реальный большой успех: первым возвращенным кораблем, конечно же, становится эскадренный миноносец «Ф.Дзержинский» (бывшая «Калиакрия»), вошедший в строй в ноябре 1925 г.

К 1926 г. штат ЭПРОН возрос уже до 360 человек. Но 1927-й, казалось, стал годом неудач. Не удалось поднять линкор «Ростислав» около Керчи, не закончили подъем подлодки АГ-21. Штат экс-

педиции сразу же сокращен до 230 человек, масштаб работ уменьшен, и в это время, 20 ноября 1927 г., на Балтике, в Копорской губе водолазной партией ЭПРОН под руководством Н.С.Хроленко на глубине 32 м обнаружена английская подводная лодка L-55. Несколько ранее один из советских тральщиков случайно наткнулся на ее останки. Именно в это время в СССР принята шестилетняя программа военного судостроения, предусматривавшая строительство 12 новых подводных лодок, и L-55 решили поднимать.

Подъем лодки осуществили летом следующего, 1928 г. Разработкой технического проекта руководил бывший прапорщик царского флота Т.И.Бобрицкий, предложивший поднимать субмарину с помощью четырех гибких металлических полотенец, симметрично подведенных под ее днище и соединенных верхними концами с судном-спасателем. В июле 1928 г. операция началась. Почти весь июль-август Л.Мейер провел на Балтике. 11 августа L-55 появилась на поверхности, а 12-го под красным флагом доставлена в Кронштадт. На следующий же день балтийскую партию ЭПРОН посетил нарком по военным и морским делам К.Е.Ворошилов, а РВС СССР объявил благодарность всему личному составу экспедиции.

Лев Мейер был отмечен орденом, в наградном листе к которому говорилось: «Эта подлодка поднята под непосредственным руководством тов. Мейера, который в самый решающий момент подъема взял на себя риск и своей распорядительностью спас положение, благодаря чему подлодка была успешно поднята и введена в кронштадтский порт. При отсутствии этой распорядительности и решительности налетевший шторм мог бы повредить стропа, на которых уже

Эпроновцы внутри «Пеликана».

была приподнята подлодка, в результате чего подлодка могла бы быть сломана или в лучшем случае подъем ее был бы отложен до следующего года, так как осенние штормовые погоды не дали бы возможности продолжать операцию. L-55 кроме своего боевого значения принесла огромную пользу в смысле великолепных образцов, разрабатываемых Мортехупром новых конструкций механизмов подлодки» [2, Л.569].

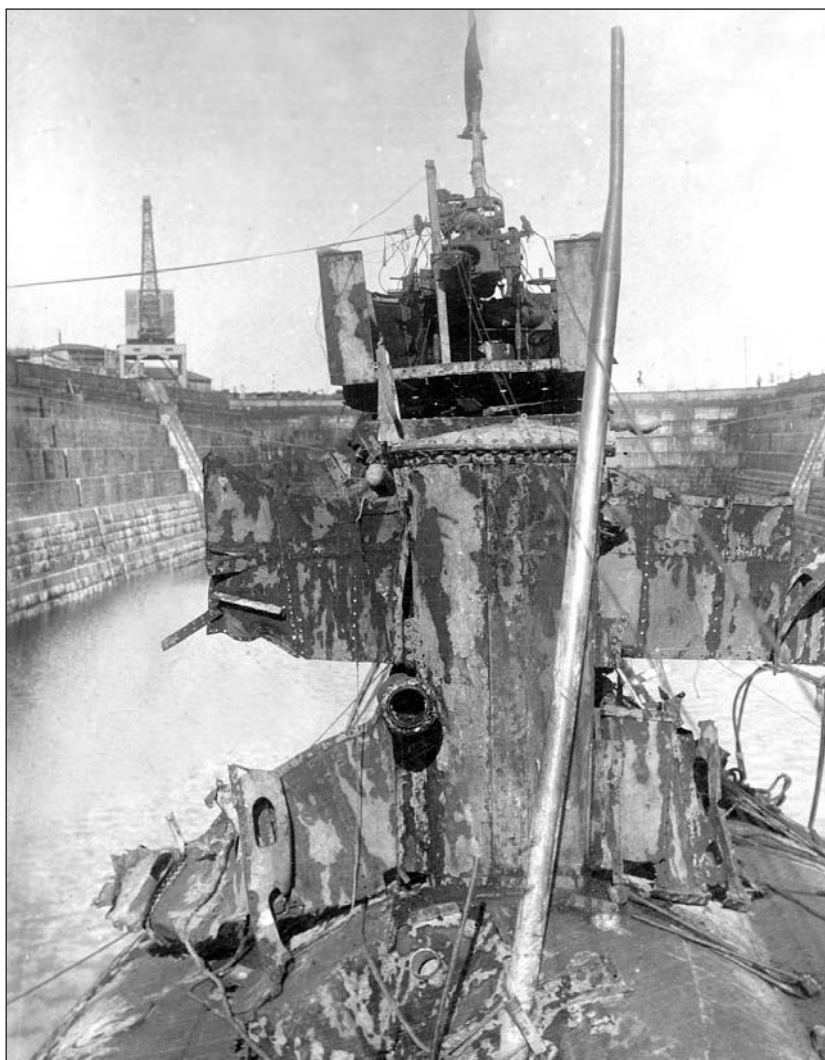
При осмотре лодки в кронштадтском доке были обнаружены останки 38 английских подводников, о чем советское правительство сообщило Великобритании. В конце августа для транспортировки тел погибших английских моряков в Кронштадт прибыло норвежское судно «Трору», и 30 августа 1928 г. в торжественно-траурной обстановке 38 гробов были перенесены на норвежский корабль, взявший курс на Англию.

Успех подъема L-55 привел к максимальному развертыванию работ ЭПРОН. Пришли

сведения, что сам Сталин заинтересовался работой ЭПРОН и возможностью подъема затопленного в 1918 г. под Новороссийском линкора «Свободная Россия» для усиления Черноморского флота. В сентябре 1928 г. эпроновскую партию хотели отправить в Китай (г.Нанкин) для подъема парохода «Память Ленина», незадолго до того затопленного русскими белогвардейцами. Авторитет ЭПРОН быстро растет: в августе 1929 ЦИК СССР наградил экспедицию орденом Трудового Красного Знамени. В 1929-м под эгидой ЭПРОН фактически сконцентрировано все водолазное и судоподъемное дело на всех морях и реках Союза. Балтийская партия ЭПРОН переименована в Северную базу; здесь создается свой музей, строится опытная камера для больших давлений, проектируется создание особого судоподъемного бассейна и исследовательской лаборатории. Отдельные партии ЭПРОН работают в Кронштадте, Мурманске, Архангельске. Южная база

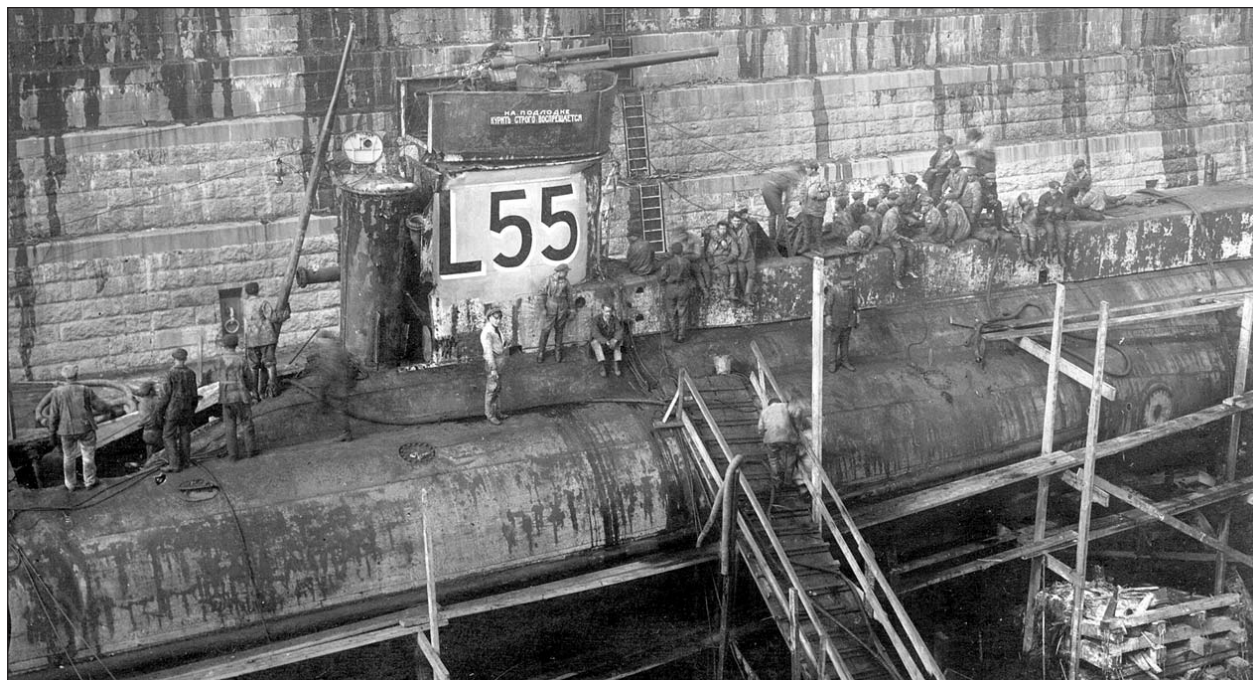
Стальные полотенца, на которых вытягивали со дна L-55.

Рубка, поврежденная взрывом. Вид с кормы.

ЭПРОН и партии в Севастополе, Керчи, Новороссийске, Туапсе, Батуми, Баку энергично занимаются подводной акваторией Черного и Каспийского морей. Штат ЭПРОН достигает в это время 750 человек, и он явно перерастает в самостоятельную, мощную, авторитетную военизированную структуру, в которой задачи собственно военно-морской разведки отошли на второй план. Такое развитие событий совсем не отвечало интересам многих — как конкурирующих организаций (Военно-морских сил, Госсудоподъема Наркомата путей сообщения), так и верхушки ОГПУ, прежде всего Ягоды, — и когда в феврале 1930 г. Мейер обратился с просьбой освободить его от чекистской работы и оставить только на ЭПРОН, рапорт имел прямо противоположное действие: 28 июня 1930 г. приказом по ОГПУ Льва Мейера освободили от должности руководителя ЭПРОН, которую в январе 1931 г. передали из ОГПУ в ведение Наркомата путей сообщения.

Несмотря на отстранение, Мейер продолжал поддерживать интенсивные контакты с членами экспедиции, которые постоянно сообщали ему о проводившихся работах. В 1931-м продолжается разборка линкора «Ростислав», пароходов «Ялта», «Казбек», «Корнилов», «Ермолов» и многих, многих других. Но уход Мейера тяжело отозвался на внутреннем моральном состоянии эпроновцев. Один из старейших сотрудников ЭПРОН Я.М.Хорошилкин так описывал ситуацию в марте 1931 г.: «... положительно все упали духом. Работа валится из рук. Все ожидают какого-то «мессию». Дела идут плохо. С ремонтом опоздание; много аварийных случаев: Э-4 сломал мачту и повредил рубку; только исправили это, как он врезался в борт Э-32; после разбил водолазный баркас.

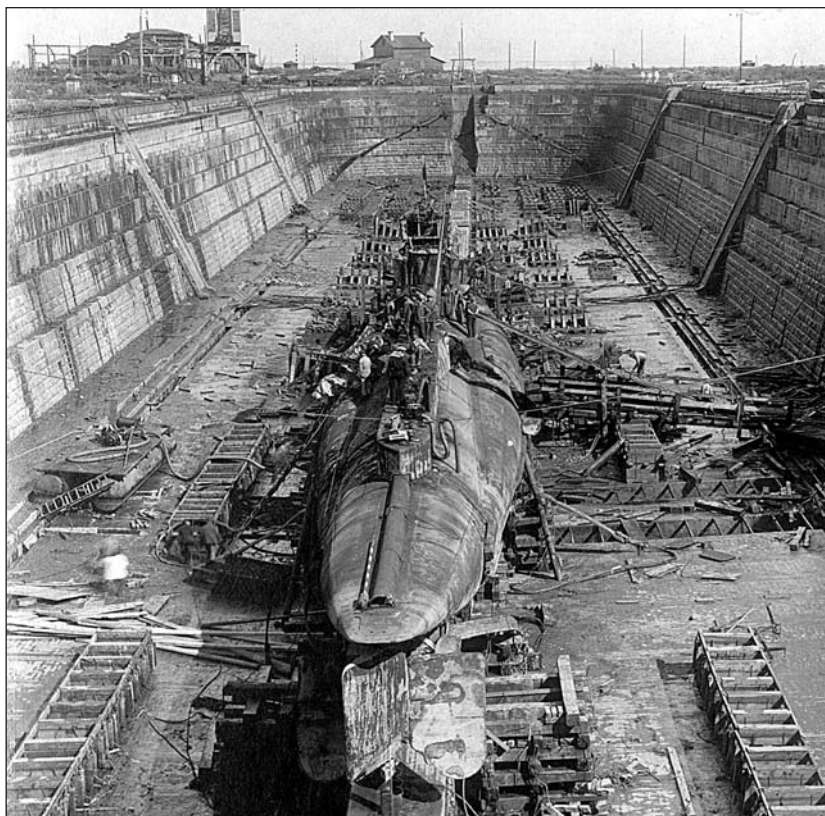

Извлечение останков английских моряков из торпедного отделения. Видна средняя часть лодки, носовое орудие, входной люк и перископ.

Баржа Евстафьевская разбилась в Стрелецкой о понтоны и едва не утонула. На судах отсутствует уголь, не на чем плавать и работать. ЭЗО не отапливается. Дисциплины совершенно нет, ходят, кто в чем попало. На территории хаос и беспорядок. Все основные кадровики в панике. В благоприятный исход летнего оперативного сезона никто не верит... Массовая демобилизация по болезни водолазов — 10 человек сразу. Ко мне целое паломничество, приходят в Институт, в столовую, на квартиру — облегчают боль и страдание наболевшей души. Все жалеют Вас и верят в возвращение, иначе через год от ЭПРОН ничего не останется. Разделят, раздергают по частям» [2, Л.165—166]. Еще более трагичную картину рисовало следующее письмо Хорошилкина от 11 апреля 1931 г.: «Здесь творится нечто невиданное, все старые эпроновцы

На носовом орудии L-55, как только оно показалось из воды, был водружен советский флаг.

L-55 в доке после откачки воды. Вид с кормы.

Почетный караул перед отправкой гробов на пароход «Трою».

бегут, а новое руководство как будто бы этому и радо: мол, не страшно, сами справимся. Набирают новых «своих» людей и «справляются». Все положительно гребят. Что ни распоряжение, то головоунытие... Ежедневные жалобы, заметки в газетах, тяжба с Прокуратурой и проч. Описать всего невозможно, даже трудно это все передать, это надо видеть, чтобы сразу убедиться, что дело ведется, может быть, даже умышленно к развалу...» [2, Л.166]. Хорошилкин был не прав — развала ЭПРОН не произошло; просто на место революционных романтиков пришли новые люди — стальной эпохи «Великого перелома». Но это уже другая история...

Несколько слов о дальнейшей судьбе Льва Мейера. После отзыва из ЭПРОН его назначают заместителем председателя ГПУ Нижне-Волжского края, затем с большим понижением отправляют на работу в Тулу; в 1931—1934 гг. он начальник Центральной школы ОГПУ, а на рубеже 1933—1934 гг. на несколько месяцев оказывается зам. начальника ГУЛАГа М.Д.Бермана, в 1934—1935 гг. курсант Военной академии им.М.В.Фрунзе. О его деятельности во второй половине 30-х годов почти ничего неизвестно, оно и понятно — в это время Мейер занимался организацией отправки оружия в Испанию из Одессы и Севастополя и, по-видимому, неоднократно бывал в Испании. В 1937 г. Мейер причислен к «заговору» М.Н.Тухачевского и арестован 11 июня — в «ночь длинных ножей» в поезде Москва—Севастополь. Объявлен «резидентом польской разведки» и 10 августа 1937 г. осужден по ст.58 п.1а, 8, 11, 17; расстрелян в ночь с 10 на 11 августа. В 1956 г. реабилитирован.

Генрих Шлиман «прошел» настоящую Трою, он был и остается ее первооткрывателем.

Команда «ЭПРОН», поднимавшая субмарину L-55. В центре с орденом Л.Н.Захаров-Мейер. 1928 г.

Романтики 20-х годов — Лев Захаров-Мейер и Владимир Языков — начинали с веры в легенду о золоте «Черного принца», а создали мощную организацию, только за первые 15 лет своего существова-

ния поднявшую со дна моря более 250 судов. Ее опыт остается востребованным и сегодня. Этот небольшой рассказ о том, как начинались поиски затонувших кораблей в революционной России, предварен

поэтическим эпиграфом из Осипа Мандельштама, закончим словами другого поэта: «Мне важны факты, я хочу воскресить весь тот мир — чтобы все они не даром жили — и чтобы я не даром жила!» [3] ■

Литература

1. Более подробно о судьбе L-55 см.: Балабин В.В. Английская субмарина под военно-морским флагом СССР // Вопр. истории естествознания и техники. 1998. №3. С.90—103.
2. АРАН. Ф.1813. Оп.1. Д.189; фрагмент опубликован: Родина. 1996. №3.
3. Цветаева М. Неизданные письма. Paris: YMCA-Press, 1972. С.411.

В поисках прародины американских аборигенов

М.В.Деренко, Б.А.Малярчук

Пути появления на исторической арене тех или иных народов интересны не только тем, кто профессионально изучает эволюционную историю человечества, происхождения рас и отдельных этнических групп, но и просто любознательному человеку. Антропологи, археологи, лингвисты, этнологи по крупицам собирают свидетельства антропологических связей, чтобы воссоздать общую картину развития человечества и локальных этносов. В последние годы к этим специалистам подключились генетики, которые оперируют в своих исследованиях наследственным материалом — ДНК. По сходству и различию геномов людей разной этнической принадлежности генетики разрабатывают собственные гипотезы происхождения коренного населения той или иной области земного шара. Таким образом уточняется история этносов, реконструируемая по антропологическим данным, памятникам археологической культуры, языковой общности и т.д.

Мы не собираемся объять необъятное, а представим здесь только состояние проблемы заселения Американ-

Мирослава Васильевна Деренко, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института биологических проблем Севера Дальневосточного отделения РАН, Магадан.

Борис Аркадьевич Малярчук, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник того же института. Область научных интересов — методы молекулярной генетики в решении проблем происхождения народов.

ского континента, отделенного огромными водными просторами от первичных мест обитания человека — Африки и Евразии.

Мозаика гипотез

Еще в начале 40-х годов XX в. А.Грдличка, воспользовавшись данными антропологии и археологии, обосновал тезис об азиатской прародине

американских аборигенов [1]. После него в изучение связей между народами Азии и Америки большой вклад внесли Г.Ф.Дебец и М.Г.Левин [2]. Сейчас уже не оспаривается мысль о том, что предки индейцев проникли в Новый Свет из Азии. Более того, специалисты сходятся во мнении, что это событие произошло несколько десятков тысячелетий назад, а путь праиндейцев пролегал через древнюю Бе-